МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Проблемы стран и регионов

УДК 332.2
DOI: 10.31249/espr/2025.02.02

С.В. Беспалов*

АГРАРНЫЙ ВОПРОС НА ГЛОБАЛЬНОМ ЮГЕ В СОВРЕМЕННОЙ НЕОМАРКСИСТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к аграрному вопросу в странах Глобального Юга в современной неомарксистской экономической мысли. В этих рамках анализируются последствия глобализации для сельского хозяйства развивающихся стран, включая разорение традиционного крестьянства, экспансию крупных корпораций и обострение экологических проблем. Особое внимание уделяется роли крестьянства в современной экономике и его потенциалу как альтернативы транснациональному агробизнесу. Показано, каким образом неомарксистами предлагается переосмысление аграрного вопроса как ключевого элемента борьбы за социальную справедливость, экологическую устойчивость и экономическую независимость стран Глобального Юга. В этой связи обсуждаются предложения по поддержке мелких фермеров, проведению земельных реформ и переходу к устойчивым моделям сельского хозяйства.

Ключевые слова: глобализация; сельское хозяйство; крестьянство; аграрный вопрос; страны Глобального Юга; неомарксизм.

Для цитирования: Беспалов С.В. Аграрный вопрос на Глобальном Юге в современной неомарксистской экономической мысли // Экономические и социальные проблемы России. – 2025. – №2. – С. 52–67.

* **Беспалов Сергей Валериевич,** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия); sbesp@mail.ru

Bespalov Sergei, PhD (Hist. Sci.), Senior Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); sbesp@mail.ru

S.V. Bespalov

The agrarian question in the global south in modern neo-marxist economic thought

Abstract. The paper examines various approaches to the agrarian issue in the countries of the Global South in modern neo-Marxist economic thought. Within this framework, the effects of globalization on agriculture in developing countries are analyzed, including the ruin of traditional peasantry, the expansion of large corporations and the aggravation of environmental problems. Special attention is paid to the role of the peasantry in the modern economy and its potential as an alternative to transnational agribusiness. It shows how neo-Marxists propose rethinking the agrarian issue as a key element of the struggle for social justice, environmental sustainability and economic independence of the countries of the Global South. In this regard, proposals are being discussed to support small farmers, implement land reforms and transition to sustainable agricultural models.

Keywords: globalization; agriculture; peasantry; agrarian question; countries of the Global South; neo-Marxism.

For citation: Bespalov S.V The agrarian question in the Global South in modern neo-Marxist economic thought // Economic and Social Problems of Russia. – 2025. – № 2. – P. 52–67.

Введение

На протяжении большей части XX в. исключительная важность аграрного вопроса для развивающихся стран казалась несомненной. Именно отсталое сельское хозяйство рассматривалось как основное препятствие для их индустриализации и экономического прогресса. Затем, примерно с 1980-х годов, роль аграрного сектора в развитии экономики стран Глобального Юга стала восприниматься некоторыми исследователями как менее значимая. Это было связано с тем, что сельское хозяйство развивающихся стран начало рассматриваться как полностью (или в основном) капиталистическое и интегрированное в мировую экономику. Кроме того, доля сельского хозяйства в экономике этих стран постепенно снижалась из-за роста других секторов. Однако после мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг. стало понятно, что оптимизм предшествующих двух десятилетий был необоснованным. По образному выражению С. Мойо, П. Джа и П. Йероса, «призрак бродит по миру – призрак нового аграрного вопроса. Сегодня нет страны, которая могла бы обеспечить продовольственную безопасность своего народа на будущее; нет крупного инвестора, который не делал бы ставку на сельское хозяйство и природные ресурсы; нет международной организации, которая не была бы обеспокоена его последствиями» [Moyo, Jha, Yeros, 2013, p. 94].

Действительно, исчезновение (полное или частичное) традиционного крестьянства и экспансия транснациональных агрохимических компаний

не обеспечили ожидаемого многими роста и процветания. Хотя архаичные формы производства, по мнению ряда исследователей, практически исчезли, это не сопровождалось устойчивым развитием промышленности, ростом занятости и доходов для большинства населения Азии, Африки и Латинской Америки.

Неомарксистская экономическая мысль, развивая традиции классического марксизма, дает критический анализ капиталистических отношений в аграрной сфере; по-прежнему особое внимание уделяется вопросам неравенства и эксплуатации. При этом, в отличие от ортодоксальных марксистских подходов, неомарксизм включает в свой анализ такие проблемы, как глобальные цепочки стоимости, экологические ограничения, роль государства в регулировании аграрных отношений. Это позволяет представителям данного направления экономической мысли всесторонне рассматривать аграрный вопрос в развивающихся странах.

Дискуссия среди исследователей сосредоточена на нескольких ключевых аспектах: сущность аграрного вопроса в условиях глобализации, последствия экспансии корпоративного агробизнеса; роль крестьянства в современной экономике; возможности и пути достижения продовольственного суверенитета развивающихся стран. Несмотря на различия, исследователей объединяет критический подход к капиталистическим отношениям в аграрной сфере, что естественно для неомарксистов. Все они подчеркивают, что глобализация и неолиберальные реформы привели к маргинализации мелких производителей и усилению неравенства, а также обострению экологических проблем. Кроме того, многие авторы сходятся во мнении, что крестьянское хозяйство, несмотря на его относительно низкую производительность по сравнению с капиталистическим агробизнесом, обладает значительным потенциалом для обеспечения продовольственной безопасности, создания рабочих мест и поддержания экологического равновесия.

Последствия глобализации для сельского хозяйства развивающихся стран

Неолиберальная политика, проводившаяся с 1980-х годов и направленная на устранение государственного контроля над рынками капитала, труда и природных ресурсов, коренным образом изменила структуру сельского хозяйства в глобальном масштабе. В некоторых регионах Азии, Африки и Латинской Америки традиционные крестьянские хозяйства, основанные на мелком землевладении и ориентированные на самообеспечение и выживание, практически исчезли; в других регионах мира масштабы их сократились. С отменой государственных субсидий и других мер поддержки мелких землевладельцев на смену крестьянству пришли, по словам Г. Бернштейна, несколько классов сельских трудящихся. Во-первых, это фермеры, работающие по контрактам с транснациональными агрокорпорациями; во-вторых, мелкие землевладельцы, чьи участки слишком малы

и недостаточно плодородны даже для собственного воспроизводства домохозяйства (что вынуждает их искать дополнительный доход в качестве сезонных рабочих); в-третьих, безземельная беднота, надеющаяся на получение земли в качестве альтернативы наемному труду [Bernstein, 2010].

Среди аргументов, выдвигаемых в поддержку экспансии корпоративного агробизнеса, наиболее важным является утверждение о достижении глобальной продовольственной безопасности. Концепция индустриализации сельского хозяйства с широким использованием удобрений сопровождалась обещанием сторонников транснациональных агрохимических гигантов обеспечить производство, распределение и потребление продуктов на мировом рынке с беспрецедентной эффективностью. Это обещание подкреплялось достаточно низкими и стабильными ценами на продовольствие, которые наблюдались в мире на протяжении последних двух десятилетий XX в. В период с 1985 г. индекс реальных цен на продовольствие, согласно данным ФАО, оставался стабильным и при этом был значительно ниже не только высоких цен, наблюдавшихся во время кризиса 1970-х годов, но даже ниже цен, которые преобладали на мировых рынках в 1960-х годах.

Однако ценовой стабильности того периода может быть дано и иное объяснение. Так, А. Банерджи утверждает, что стабилизация мировых продовольственных рынков в конце XX в. была обусловлена не столько эффективностью корпоративного продовольственного режима[1], сколько рядом глобальных факторов, включая снижение спроса на зерно. Это снижение было вызвано изменениями в структуре потребления, а не увеличением объемов производства зерна и продукции животноводства. С 1985 по 2002 гг. производство зерна в мире на душу населения снизилось с 341,6 кг до 290,2 кг. Единственным фактором, который предотвратил неизбежный в иной ситуации рост цен на продукты питания, стало падение мирового потребления зерна на душу населения с 324,3 кг в 1985 г. до 303,1 кг в 2000 г. [Banerjee, 2023].

Снижение потребления зерна происходило именно в развивающихся странах. Это явление было особенно заметно в Латинской Америке и Карибском бассейне в 1980-х годах, а затем в Южной Азии в 1990-х. В таких регионах, как Западная Азия и Африка южнее Сахары, также наблюдался продолжительный спад или стагнация в потреблении продовольствия на протяжении этих десятилетий. Причиной стала неолиберальная экономическая политика, реализованная через программы структурной перестройки, которые под влиянием США начались в западном полушарии и затем распространились на весь Глобальный Юг. Именно она привела к сокращению неформальной экономической деятельности, кормившей миллионы людей, сокращению или отмене социальных программ и, как следствие, снижению

[1] Продовольственный режим может быть определен как «структура, состоящая из явных и скрытых управленческих соглашений, норм, практик, принципов и административных процедур в области международного производства и потребления продуктов питания» [Малов, 2019, с. 237].

доходов значительной части населения. Это спровоцировало локальные продовольственные кризисы во многих странах Глобального Юга задолго до мирового продовольственного кризиса, одновременно способствуя стабилизации мировых цен на продовольствие [Banerjee, 2023; Patnaik, 2009].

Кроме того, снижение мирового спроса на зерно было подкреплено резким падением потребления в странах бывшего Советского Союза, в которых в ходе рыночных реформ 1990-х годов произошло сокращение доходов и средств к существованию населения. В постсоветских странах значительно уменьшилось как внутреннее потребление зерна (особенно в качестве корма в животноводстве), так и его производство. Однако ключевым фактором, повлиявшим на мировые рынки, стало резкое сокращение импорта зерна государствами этого региона, – а на него в 1980-х годах приходилось 17,3% от общего объема мировой торговли зерном [Banerjee, 2011].

Таким образом, продовольственный кризис в ряде регионов планеты в конце XX в., даже в отсутствие роста мировых цен на продовольствие, уже давал основания усомниться в эффективности (с точки зрения интересов большей части человечества) глобального корпоративного продовольственного режима. А мировой продовольственный кризис 2007–2008 гг. (некоторые исследователи дают более широкую его датировку: 2006–2014 гг.) вызвал еще большие сомнения в этом нарративе. Причины данного кризиса были разнообразными: от экологических катастроф и широкомасштабного производства биотоплива из зерна до спекуляций на товарных фьючерсных рынках. В любом случае резкий рост цен на продовольствие серьезно подорвал усилия по борьбе с глобальным голодом и недоеданием и закономерно возродил дискуссии по аграрному вопросу.

Специфика аграрного вопроса в условиях глобализации

В современных условиях появилась потребность в новой трактовке аграрного вопроса, традиционно являвшегося одним из ключевых в марксистской экономической мысли. Дискуссия о сущности в настоящее время аграрного вопроса активизировалась среди ученых неомарксистского направления после публикации ряда работ Г. Бернштейна. «Классический» аграрный вопрос в трудах Маркса, Энгельса, Каутского и Ленина включал в себя три основных аспекта: 1) о движущих силах перехода к капиталистическому сельскому хозяйству, 2) о роли сельских классов в борьбе за демократию и социализм, и 3) о взаимосвязи между капиталистическим сельским хозяйством и индустриализацией. При этом, по мнению Бернштейна, классический аграрный вопрос был, прежде всего, вопросом о капитале: сначала о формировании аграрного капитала, а затем о формировании капитала промышленного [Bernstein, 2010].

Крайне неравномерное развитие капитализма в странах Глобального Юга, включавшее в себя «раскрестьянивание» и коммерциализацию

сельского хозяйства, а также появление огромных армий безземельной рабочей силы в городах и сельской местности, изменили природу аграрного вопроса и социальной борьбы. С одной стороны, в условиях современной глобализации и стремительного развития производительных сил в капиталистическом сельском хозяйстве, по мнению Г. Бернштейна, уже не существует аграрного вопроса для капитала, который стал транснациональным. Для глобального капитала решены вопросы устойчивого повышения производительности труда в сельском хозяйстве, производства дешевых продуктов питания и аграрных источников промышленного накопления [Bernstein, 2009, p. 250].

Индустриализация в развивающихся странах, по мнению Бернштейна, все менее зависит от межотраслевых связей с национальным сельским хозяйством. Экономики стран Глобального Юга сегодня опутаны глобальными потоками капитала и неразрывно связаны с мировыми рынками. В этой ситуации уже не требуется продуктивного сельского хозяйства как условия накопления капитала, так как другие источники капитала легко доступны. Это означает, что индустриализация может развиваться без сельского хозяйства, без аграрных преобразований в качестве необходимого предварительного условия. Промышленное развитие в современном мире в большей степени зависит от связей с международными рынками капитала, а также от эффективности государственной власти развивающихся стран [Bernstein, 2006; Bernstein, 2009].

Тем не менее такое решение «аграрного вопроса капитала» в планетарном масштабе не обеспечило «независимой индустриализации» в странах Глобального Юга. В результате «современный капитализм на Юге не способен обеспечить достаточную и стабильную занятость, необходимую для поддержания минимального уровня жизни большинства населения». В этой связи Бернштейн говорит о новом аграрном вопросе в эпоху глобализации – «аграрном вопросе труда»: это борьба городской и сельской безземельной бедноты за доступ к земле как к средству выживания [Bernstein, 2009, p. 251].

Позиция Бернштейна подверглась серьезной критике со стороны других неомарксистов. Так, У. Патнаик считает, что аграрный вопрос в его классическом понимании не просто сохраняет свою актуальность в условиях глобализации, – сегодня «он явно занял центральное место среди всех политэкономических вопросов, именно благодаря всплеску глобализации, которая предполагает новое стремление к получению контроля над тропическими землями» [Patnaik, 2012, p. 250]. Прежняя глобализация, каковой, по сути, являлась эпоха колониализма, была периодом установления прямого контроля государств Западной Европы над ресурсами (природными и человеческими) главным образом тропических стран. «Безвозмездный экспорт» ресурсов из колоний позволил Европе обеспечить повышение жизненного уровня собственного населения, причем произошло это ценой существенного снижения стандартов питания для колонизированного населения.

После распада колониальной системы на протяжении нескольких десятилетий, начиная с 1950-х годов, многие из обретших независимость развивающихся стран попытались изменить свое место в сложившейся системе международного разделения труда. По-настоящему успешной, по мнению Патнаик, это попытка оказалась лишь для богатых энергетическими ресурсами (прежде всего, нефтью) государств. Их независимая политика привела к нефтяному кризису 1970-х годов в высокоразвитых странах. Ответом Запада стало «возрождение империалистического авантюризма по отношению к богатым нефтью странам», а по отношению к Глобальному Югу в целом – введение неолиберального режима мировой торговли, что вновь, как и в период колониализма, изменило структуру сельскохозяйственного производства развивающихся стран в пользу экспортных культур. Основными направлениями этой неолиберальной политики стали сокращение государственных расходов, снятие барьеров для торговли и инвестиций (с тем, чтобы открыть рынки развивающихся стран), демонтаж именно в этих странах существовавших ранее механизмов государственного регулирования цен, которые, в частности, позволяли стабилизировать цены для мелких сельхозпроизводителей [Patnaik, 2009; Patnaik, 2012].

Ряд исследователей считают необходимым переосмыслить сам классический подход к аграрному вопросу, который был ограничен рамками национальных государств и сосредоточен преимущественно на «вопросе капитала». Ф. Макмайкл указывает на два ключевых упущения в этом подходе. Во-первых, игнорировалась роль международных процессов, таких как использование Британской империей колониальных земель для производства дешевого продовольствия, необходимого для поддержки индустриализации, а также влияние переселенческих колоний (прежде всего, в Америке) на увеличение объемов производства и конкуренцию с европейским сельским хозяйством. Во-вторых, классический подход сводил аграрный вопрос к преодолению капиталом ограничений в сельском хозяйстве, полностью игнорируя социальные и экологические последствия этого процесса. Макмайкл описывает сельское хозяйство Нового Света, особенно американское фермерство, как своего рода форму добычи полезных ископаемых, при которой земля эксплуатировалась до полного истощения, что в XX в. привело к ряду экологических катастроф, таких как «пыльные бури» 1930-х годов в США [McMichael, 2013].

«Зеленая революция»[1] стала попыткой воспроизвести модель американского фермерства в странах Глобального Юга, что привело к уничтожению местного биоразнообразия, традиционных знаний и устойчивых сельскохозяйственных практик. Одновременно это заложило основу

[1] Согласно наиболее распространенному определению, это комплекс изменений в сельском хозяйстве развивающихся стран в 1940–1970-х годах. Включал в себя активное применение удобрений и пестицидов, внедрение более продуктивных сортов культурных растений, расширение орошения, механизацию труда и т. д.

для современного глобального корпоративного продовольственного режима, который характеризуется массовой гомогенизацией сельского хозяйства, интенсивным использованием химикатов, геномики и технологий «умного земледелия». Данные технологии преподносятся сторонниками транснационального агробизнеса как механизмы решения местных проблем, в том числе экологических. Однако на самом деле они лишь усиливают зависимость сельского хозяйства от корпораций и усугубляют экологические и социальные кризисы.

Макмайкл призывает к радикальному переосмыслению аграрного вопроса, который должен включать в себя не только экономические, но и социальные, экологические и политические аспекты; не только борьбу за земельные права и восстановление агроэкологии, но и сопротивление глобальным корпоративным структурам, доминирующим в сельском хозяйстве. Центральным элементом аграрного вопроса он считает продовольственный вопрос. При этом ученый рассматривает концепцию продовольственного суверенитета не просто как альтернативу, а как радикальный ответ крестьянских и общественных движений на гегемонию корпоративного агробизнеса [McMichael, 2010; McMichael, 2013].

С Макмайклом солидарен и А. Банерджи, утверждающий, что нынешний корпоративный продовольственный режим усиливает изначальные противоречия капиталистического индустриального сельского хозяйства. Метаболический разрыв[1], который начал проявляться с установлением прав частной собственности в рамках английских законов об огораживании, привел к вытеснению крестьян с земель, которые они обрабатывали поколениями, и лишению их доступа к общим ресурсам. Этот процесс усугубился с развитием урбанизации, нарушившей многовековой цикл обмена питательными веществами между природой и человеком. Индустриализация и урбанизация, охватившие планету в ходе развития капитализма, сделали, по мнению Банерджи, сохранение и восстановление плодородия почвы ключевой экологической проблемой, которое глобальный капитализм разрешить не в состоянии [Banerjee, 2011; Banerjee, 2023].

Тезис о кризисе современного корпоративного продовольственного режима является центральным и в исследовании Х. Акрама-Лодхи. Он утверждает, что этот режим приводит к маргинализации и обнищанию населения развивающихся стран, в которых почти миллиард человек страдает от хронического голода, и одновременно к эпидемии ожирения в развитых странах, где 500 млн человек мучаются от клинического ожирения, а 1,5 млрд имеют избыточный вес (в результате «индустриальной диеты», бедной натуральными продуктами). При этом доминирующие в «пищевой цепочке» транснациональные агрохимические корпорации и сети супермаркетов получают огромные прибыли. С 1990-х годов именно супермарке-

[1] Концепция взаимодействия между человечеством и природой в условиях капитализма, сформулированная социологом Д.Б. Фостером на основе идей К. Маркса.

ты стали играть ключевую роль в глобальной продовольственной системе. Контролируя доступ к рынкам, они диктуют спрос на дешевые, стандартизированные продукты питания [Akram-Lodhi, 2013].

Акрам-Лодхи так же, как и Макмайкл, является сторонником концепции продовольственного суверенитета. При этом он предлагает рассматривать продовольствие как общественное благо, которое должно быть гарантировано каждому гражданину в качестве одного из фундаментальных прав. Несмотря на то что подобные идеи представляются практически неосуществимыми даже многим его единомышленникам, он заявляет, что, хотя большинства попыток проведения радикальных аграрных реформ оканчивались неудачей, история все же демонстрирует возможность достижения значительных изменений благодаря упорной борьбе граждан. Поэтому он утверждает, что аграрный суверенитет следует рассматривать не как утопию, а как проявление «радикального прагматизма» [Akram-Lodhi, 2013, p. 157].

Распространенная точка зрения, в соответствии с которой рост числа безземельного населения, а также быстрая урбанизация в странах Глобального Юга являются результатом действия рыночных сил, лишающих мелких землевладельцев их собственности, оспаривается К. Карлсоном. На самом деле, по его мнению, главной, если не единственной причиной указанных явлений является быстрый прирост населения. При этом параллельно с ростом городского населения во многих развивающихся странах увеличивается и количество людей, занятых сельским трудом. Это принципиально отличает аграрное развитие в странах современного Глобального Юга от исторического опыта тех стран, которые сегодня относят к числу развитых. Если в странах Европы и Северной Америки с начала XX в. происходит неуклонное сокращение числа работников, занятых в сельском хозяйстве, то во многих современных развивающихся странах количество занятых в аграрном секторе продолжает расти. Воздействие рыночных сил ведет к обнищанию мелких собственников земли в странах Глобального Юга. Однако в результате этого они не лишаются собственности, что непременно должно было бы произойти, если бы сельское хозяйство развивалось по капиталистическому пути.

Соответственно, в беднейших странах аграрные отношения, вопреки утверждениям Г. Бернштейна, развиваются в логике докапиталистических обществ: рост сельского населения приводит к дроблению землевладений и появлению все большего количества мелких ферм. Как и в Западной Европе XVI – XVIII столетий, хозяйства дробятся на все более мелкие участки, в результате чего их средние размеры иногда оказываются настолько маленькими, что они не способны обеспечить даже минимальные потребности сельских домохозяйств [Carlson, 2018, p. 714]. Если принять во внимание, что, по данным Всемирного банка, кредиты для мелких землевладельцев являются труднодоступными, а банки неохотно принимают землю в качестве обеспечения по кредитам, становится понятно, что возможности для капиталистического развития аграрного сектора во многом заблокиро-

ваны. В результате большинство крестьян ведет полунатуральное хозяйство, а на рыночный спрос ориентируется меньшинство [Carlson, 2017].

Такая ситуация характерна для беднейших стран Азии и Африки (особенно Центральной). В большинстве стран Латинской Америки и Южной Африки широко распространено крупное землевладение, земельные рынки развиты в большей степени, а кредитные ресурсы более доступны. По мнению Карлсона, здесь остро стоит другая проблема: «большая часть крупных земельных владений в этих странах была присвоена богатыми инвесторами, которые используют методы производства с низкой производительностью и низкими инвестициями и редко подвергаются воздействию конкурентных сил» [Carlson, 2018, p. 715].

Кроме того, в странах Глобального Юга преобладающая часть произведенной промышленной продукции потребляется на собственном внутреннем рынке. Глобализация в этом отношении не изменила ситуацию принципиально: на мировые рынки такие страны экспортируют меньшую часть промышленных товаров, причем в страны глобального Севера – вообще ничтожно малую их долю. Для развития собственной промышленности этим странам необходимо увеличивать емкость внутреннего рынка, что в значительной степени определяется развитием аграрного сектора.

Таким образом, малопродуктивное сельское хозяйство и в настоящее время остается главным ограничителем процесса индустриализации в беднейших странах. Несмотря на все те изменения, которые произошли в эпоху глобализации, уровень развития сельского хозяйства по-прежнему представляет собой ключевой фактор, сдерживающий промышленное развитие. Соответственно, именно нерешенность аграрного вопроса в беднейших странах является главным препятствием, не позволяющим им преодолеть слаборазвитость [Carlson, 2018].

Перспективы крестьянского хозяйства

Крестьянство Глобального Юга составляет сейчас без малого половину населения планеты – около 3 млрд человек. Способы ведения сельского хозяйства в развивающихся странах принципиально различны. Меньшая часть хозяйств сумела воспользоваться достижениями зеленой революции (использованием удобрений, пестицидов и лучшего семенного материала). Несмотря на то что по сравнению с европейскими и американскими фермерами эти хозяйства недостаточно механизированы, объемы их производства радикально выросло (до 100–500 центнеров продукции на работника, в зависимости от конкретной страны). Однако в большей части хозяйств производительность сохранилась примерно такой же, как до зеленой революции: около десяти центнеров на работника.

Один из основоположников неомарксизма С. Амин полагает, что крестьянскому хозяйству беднейших стран присущи следующие черты: низкая эффективность (прежде всего, из-за отсутствия сельскохозяйственной тех-

ники и невозможности в достаточном количестве использовать удобрения); крайне небольшие размеры большинства ферм, не позволяющие вести эффективное хозяйство; производство продуктов питания главным образом для собственного выживания; все возрастающая неспособность обеспечивать продовольствием близлежащие города; бедность сельского населения (около 3/4 голодающих в современном мире – это сельские жители) [Amin, 2012].

В то же время современные, преимущественно семейные фермы, которые преобладают в Западной Европе и США, наглядно доказали свои преимущества перед другими видами сельскохозяйственного производства. Их производительность на одного работника (эквивалентная 1–2 тыс. т зерна в год) не имеет аналогов, что позволяет небольшой части активного населения (примерно 5%) полностью обеспечивать страну продуктами и даже производить продукцию для экспорта. Кроме того, такие фермы демонстрируют высокую способность внедрять инновации и гибко адаптироваться к изменениям рыночного спроса. Таким образом, если до середины XX в. разрыв между средним уровнем производства фермерского хозяйства в странах Глобального Севера и крестьянского сельского хозяйства в странах Глобального Юга составлял примерно 10 к 1, то во втором десятилетии XXI в. он достиг уже примерно 100 к 1 [Amin, 2017, p. 152–154].

Однако Амин считает губительным стремление перенести капиталистическую модель модернизации сельского хозяйства на Глобальный Юг и призывает задуматься о фундаментальных противоречиях, которые возникают при реализации подобного подхода. Можно легко представить, что 50 млн крупных фермерских хозяйств, получив доступ к лучшим землям (отобранным у крестьян) и капиталу для интенсификации производства, смогут обеспечить продукцией платежеспособное городское население. Но миллиарды крестьян (многие из которых уже живут в условиях крайней бедности), которым не найдется места в этой системе, лишатся последних средств к существованию. «В течение следующих 50 лет никакое промышленное развитие, даже в рамках притянутой за уши гипотезы о постоянном ежегодном росте на 7% для трех четвертей человечества, не сможет поглотить даже треть этого трудового резерва». Капитализм, по словам Амина, по самой своей природе не способен решить проблему крестьянства. Его логика ведет к созданию мира, где миллиарды людей становятся «лишними», а планета превращается в гигантские трущобы. «Мы подошли к моменту, когда для расширения капитала и модернизации сельского хозяйства требуется уничтожить целые общества. 50 миллионов новых эффективных производителей (или 200 миллионов человек с членами семей), с одной стороны, и три миллиарда исключенных из системы людей – с другой. Созидательная часть этого процесса ничтожна по сравнению с масштабами разрушения, которое он влечет за собой» [Amin, 2017, p. 155–156].

Выводы С. Амина подкрепляет на материале Гватемалы Дж. Дюрр. Пример этой центральноамериканской страны представляется ему весьма показательным в силу того, что в Гватемале исторически сложился дуали-

стический аграрный сектор. С одной стороны, это многочисленные мелкие крестьянские хозяйства, по большей части расположенные в высокогорных районах. Они производят основные продукты питания для внутреннего рынка – бобовые, кукурузу, а также фрукты и овощи, выращивание которых является наиболее трудоемким процессом. С другой стороны, это крупные и средние хозяйства, производящие продукцию на экспорт – кофе, тростниковый сахар, пальмовое масло и т. д. Такая структура сельского хозяйства в Гватемале крайне устойчива и никогда не менялась радикальными аграрными реформами.

Дж. Дюрр, анализируя сельскохозяйственную статистику Гватемалы, пришел к важному выводу: «цепочки создания добавленной стоимости крупных фермерских хозяйств вносят в национальную экономику на треть больше с гектара, чем цепочки создания добавленной стоимости мелких фермерских хозяйств. Но цепочки создания добавленной стоимости мелких фермеров создают гораздо больше рабочих мест на гектар, чем крупные фермы» [Durr, 2016, p. 678]. По мнению Дюрра, с точки зрения перспектив аграрной политики и, в более широком плане, политики социально-экономического развития Гватемалы и подобных ей стран, это означает, что поддержка мелких хозяйств более перспективна в плане создания новых рабочих мест. Кроме того, «стимулирование создания добавленной стоимости мелкими фермерами… могло бы способствовать инклюзивному развитию сельских районов в интересах бедных слоев населения», в то время как крупные хозяйства – преимущественно общенациональные и транснациональные компании – выкачивают доходы из сельских районов. Структура сельскохозяйственного производства и прибыльность крупных и мелких хозяйств, несомненно, изменились бы, если бы плодородные низменные земли были частично распределены между мелкими фермерами. Поэтому Дюрр считает целесообразным проведение перераспределительной земельной реформы, причем в первую очередь – не для роста ВВП, а ради увеличения занятости и, в целом, достижения большего социального равенства [Durr, 2016, p. 679–680].

В свою очередь, Я. Д. ван дер Плуг обращается к идеям А.В. Чаянова, переосмысливая их в свете современных реалий, в которых экономика, общество и природа переплетены в сложной системе взаимосвязей. Исследователь настаивает на значимости и жизнеспособности именно крестьянского земледелия в современных условиях. При этом он анализирует феномен рекрестьянизации (repeasantization) – процесса возвращения к традиционным формам сельского хозяйства, который приобретает все большее значение в условиях глобальных вызовов.

Чаяновская концепция, по мнению ван дер Плуга, строится на двух ключевых элементах: семейном труде и семейном капитале. Эти элементы поддерживают хрупкий баланс между трудовыми затратами и потребностями семьи. Крестьянское хозяйство описывается как система, в которой земля, растения, скот, органические удобрения (навоз), семена, постройки, труд, ремесла, знания, техника и социальные связи образуют единый, гар-

монично функционирующий организм [van der Ploeg, 2013, p. 36]. Ван дер Плуг акцентирует внимание на том, что крестьянское (семейное) хозяйство принципиально отличается от капиталистического: его цель – не накопление, а поддержание уровня жизни. Он считает, что точка зрения Р. Люксембург, которая рассматривала крестьянское хозяйство как форму простого товарного производства, более точна, чем преобладающая в марксизме концепция, согласно которой каждый глава крестьянского хозяйства сочетает в себе черты капиталиста и наемного работника. Причем в условиях экономической дифференциации якобы только одна из этих составляющих будет доминировать, что неизбежно приведет к распаду крестьянства и создаст классы капиталистических фермеров и сельского пролетариата.

Рассматривая судьбу чаяновской концепции «самоэксплуатации», ван дер Плуг указывает, что она часто интерпретируется неверно (во многом в силу того, что сам этот термин Чаянова был не слишком удачным). Вместо того чтобы трактовать ее как «тяжелый труд крестьян, не способных прокормить себя» (что близко к каутскианской идее недопотребления), ван дер Плуг предлагает вернуться к первоначальному смыслу, вложенному Чаяновым. Для него этот термин описывал сложный механизм распределения труда внутри крестьянских хозяйств, обусловленный спецификой сельскохозяйственного производства. Таким образом, опираясь на идеи Чаянова, ван дер Плуг рассматривает крестьянское хозяйство как устойчивую и жизнеспособную модель, способную противостоять вызовам современности [van der Ploeg, 2013].

Размышляя о том, в какой степени крестьянское хозяйство способно обеспечить весь мир продовольствием, ван дер Плуг приходит к выводу, что крестьянское земледелие часто демонстрирует более высокую урожайность благодаря сбалансированному подходу, основанному на гармонии между человеком и природой, а также между производством и воспроизводством. Кроме того, оно отличается устойчивостью, поскольку сохраняет экологическое равновесие с местными экосистемами. В качестве примера он приводит результаты сопоставления «предпринимательских» и «крестьянских» хозяйства из региона Пармы (Италия). Согласно этим данным, в 2009 г. валовая стоимость на работника продукции семейных ферм оказалась вдвое выше, чем у предпринимательских. Ван дер Плуг считает возможным привести пример европейской страны, поскольку здесь хозяйства двух типов находятся в равных условиях с точки зрения качества земель и т. д., что принципиально отличается от большинства развивающихся стран. Аналогичная ситуация в Нидерландах: низкозатратные семейные хозяйства, которые автор считает возможным определить как крестьянские, обеспечивают примерно вдвое больший доход в расчете на работника по сравнению с капиталистическими «предпринимательскими» фермами.

Ван дер Плуг также указывает, что явление рекрестьянизации стало заметным в последние полвека и развивалось различными путями, включая реформы Дэн Сяопина (деколлективизацию) в Китае, движение безземель-

ных крестьян (MST) в Бразилии, агроэкологические инициативы и международное движение «La Via Campesina» («крестьянский путь»). В Китае, например, это привело к резкому росту сельскохозяйственного производства в период с 1978 по 1984 гг., позволив снизить уровень голода и бедности. Ключевую роль в данном случае сыграло предоставление крестьянам права на самостоятельное принятие решений и повышение их мотивации. Ван дер Плуг утверждает, что многофункциональность крестьянских хозяйств и их развитие в гармонии с природой позволяют идеям Чаянова о сложно сбалансированном крестьянском хозяйстве сохраняться, развиваться и находить применение даже в условиях доминирования современного капиталистического агробизнеса [van der Ploeg, 2018].

Заключение

Аграрный вопрос на Глобальном Юге остается сегодня, пожалуй, одной из наиболее острых проблем в современной неомарксистской экономической мысли. Дискуссия среди исследователей сосредоточена на нескольких ключевых аспектах: сущности аграрного вопроса в условиях глобализации, последствиях экспансии корпоративного агробизнеса; роли крестьянства в современной экономике; возможности и путях достижения продовольственного суверенитета развивающихся стран.

Существенные различия во взглядах исследователей касаются самой интерпретации аграрного вопроса. Так, Г. Бернштейн утверждает, что классический аграрный вопрос, связанный с накоплением капитала, утратил актуальность, и предлагает сосредоточиться на «аграрном вопросе труда» – борьбе безземельной бедноты за доступ к земле. У. Патнаик, напротив, подчеркивает, что аграрный вопрос в его классическом понимании сохраняет центральное значение, особенно в контексте глобальной экспансии капитала и контроля над ресурсами. Ф. Макмайкл и А. Банерджи акцентируют внимание на экологических и социальных последствиях капиталистического сельского хозяйства, призывая к радикальному переосмыслению аграрного вопроса через призму продовольственного суверенитета.

Многие авторы сходятся во мнении, что крестьянское хозяйство, несмотря на его относительно низкую производительность по сравнению с капиталистическим агробизнесом, обладает значительным потенциалом для обеспечения продовольственной безопасности, создания рабочих мест и поддержания экологического равновесия. При этом, на наш взгляд, в своем отношении к перспективам крестьянского хозяйства многие современные неомарксисты являются последователями не только и не столько «классиков» марксизма, сколько российских неонародников конца XIX – начала XX в.

В свое время В.Г. Хорос показал причины распространения идей народнического типа в общественно-политической жизни развивающихся стран, проанализировав популистские движения, выступавшие под лозунгами защиты интересов крестьянства в плане смягчения для него послед-

ствий индустриальной модернизации [Хорос, 1980]. Сегодня можно говорить о том, что воззрения подобного типа являются важным компонентом неомарксистской экономической теории, в целом воспринявшей многие достижения различных направлений экономической мысли. Причем речь идет как об экономистах непосредственно из развивающихся стран, так и о западных ученых, исследующих проблемы аграрного развития стран Глобального Юга. Некоторые современные неомарксисты напрямую обращаются к теоретическому наследию российских неонародников, в частности А.В. Чаянова. Другие, не упоминая их, воспроизводят многие элементы народнической аргументации. Это представляется вполне закономерным. С одной стороны, само неонародничество сформировалось в последние десятилетия существования императорской России на основе синтеза народнических и социал-демократических идей. С другой стороны, многие страны современного Глобального Юга сталкиваются с теми же проблемами, которые были характерны для России рубежа XIX–XX столетий: аграрное перенаселение, обезземеливание значительной части крестьянства и т. д. При этом, по нашему мнению, «народническая» аргументация в гораздо большей степени справедлива применительно ко многим современным развивающимся странам, чем к России начала XX в., в силу двух основных причин. Во-первых, несмотря на значительную роль иностранных капиталов в процессе индустриализации, экономическое развитие Российской империи можно назвать в целом независимым (вопреки утверждениям народников), чего не скажешь о странах современного Глобального Юга. Во-вторых, бурно развивавшаяся российская индустрия была вполне в состоянии в среднесрочной перспективе поглотить высвобождавшуюся в деревне рабочую силу. В беднейших странах современного мира, как было показано в статье, ситуация принципиально иная.

Следует подчеркнуть, что аграрный вопрос на Глобальном Юге является для неомарксистов не только экономической, но и социальной, экологической и политической проблемой. Его решение предполагает комплексный подход, включающий борьбу с гегемонией транснациональных корпораций, поддержку мелких хозяйств, проведение земельных реформ и переход к экологически устойчивой модели сельского хозяйства.

Список литературы

1. Малов А.Ю. Концепция международного продовольственного режима: Возникновение, функционирование, трансформация // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 225–243.
2. Хорос В.Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. – Москва : Наука, 1980. – 286 с.
3. Akram-Lodhi A. Hungry for Change: Farmers, Food Justice and the Agrarian Question. – Black Point, Nova Scotia : Fernwood, 2013. – 194 p.
4. Amin S. Contemporary Imperialism and the Agrarian Question // Agrarian South: Journal of

Political Economy. – 2012. – № 1. – P. 11–26.
5. Amin S. The Agrarian Question a Century after October 1917: Capitalist Agriculture and Agricultures in Capitalism // Agrarian South: Journal of Political Economy. – 2017. – № 6. – P. 149–174.
6. Banerjee A. Agrarian Questions: New Paradigms in a Changing World // Development and Change. – 2023. – № 54(3). – P. 671–687.
7. Banerjee A. Food, Feed, Fuel: Transforming the Competition for Grain // Development and Change. – 2011. – № 42(2). – P. 529–57.
8. Bernstein H. Class Dynamics of Agrarian Change. – Nova Scotia ; Winnipeg : Fernwood Publishing. – 2010. – 136 p.
9. Bernstein H. Is there an agrarian question in the 21st century? // Canadian Journal of Development Studies / Akram-Lodhi A.H., Kay C. (eds.). – 2006. – № 27(4). – P. 449–460.
10. Bernstein H. Agrarian questions from transition to globalization // Peasants and globalization: Political economy, rural transformation and the agrarian question. – London : Routledge, 2009. – P. 239–261.
11. Carlson C. Rethinking the agrarian question: Agriculture and underdevelopment in the Global South // Journal of Agrarian Change. – 2018. – № 18. – P. 703–721.
12. Carlson C. Latifundio and the logic of underdevelopment: The case of Venezuela's Sur del Lago // Journal of Peasant Studies. – 2017. – № 44(1). – P. 286–308.
13. Durr J. The political economy of agriculture for development today: the "small versus large" scale debate revisited // Agricultural Economics. – 2016. – № 47. – P. 671–681.
14. McMichael P. Food Regimes and Agrarian Questions. – Nova Scotia ; Winnipeg : Fernwood Publishing, 2013. – 144 p.
15. McMichael P. The world food crisis in historical perspective / Magdoff F., Tokar B. (Eds.) // Agriculture and food in crisis, conflict, resistance, and renewal. – New York : Monthly Review Press ; Nova Scotia : Fernwood, 2010. – P. 51–68.
16. Moyo S., Jha P, Yeros P. The Classical Agrarian Question: Myth, Reality and Relevance Today // Agrarian South: Journal of Political Economy. – 2013. – № 2(1). – P. 93–119.
17. Patnaik U. Some Aspects of the Contemporary Agrarian Question // Agrarian South: Journal of Political Economy. – 2012. – № 1. – P. 233–254.
18. Patnaik U. Origins of the Food Crisis in India and Developing Countries // Monthly Review: Fn Independent Socialist magazine. – 2009. – № 61. – P. 63–77.
19. van der Ploeg J.D. Differentiation: Old Controversies, New Insights // The Journal of Peasant Studies. – 2018. – № 45. – P. 489–524.
20. van der Ploeg. Peasants and the Art of Farming: A Chayanovian Manifesto. – Nova Scotia ; Winnipeg : Fernwood Publishing, 2013. – 146 p.

Статья поступила 21.03.2025.
Принята к печати 11.04.2025.